

«ДЕЛИКЛИ-КАЯ».

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Развѣ есть на свѣтѣ черешня вкуснѣе козской и гдѣ найдется сари-армутъ болѣе нѣжный и сочный!

Въ Крыму не встрѣтишь тоньше стана у юноши, и не знаютъ другія земли дѣвушекъ, которыя умѣютъ ходить такъ легко, какъ козскія, по скаламъ и обрываютъ.

Смотритъ посѣдѣвшій Эльтигенъ на дѣтей долины, на солнечномъ лучѣ любитъ ими, а когда къ вечеру, побѣжитъ отъ горъ къ деревнѣ синяя тѣнь, прислушивается къ голосу стариковъ, которые собираются посидѣть у кофейни.

— Лучше прежде было.

— Лучше было,—твердитъ девяностолѣтній Муслядинъ, сидя на корточкахъ рядомъ съ имамомъ.

— Когда нужно дождь былъ; когда не нужно—не былъ; червякъ листъ не ѣлъ; пчелы—да были, козы—да были; двѣ пары буйволовъ у каждого было. Хорошо было.

Слушаютъ Муслядина козскіе татары и вздыхаютъ.

— Прежде лучше было.

Въ наступившихъ сумеркахъ вспыхиваютъ тамъ и сямъ огоньки у курящихъ, и бѣлесоватые клубы табачнаго дыма застилаютъ по временамъ сосредоточенныя, серьезныя лица.

— Воды много было, замѣчаетъ кто-то.

— А?—не слышитъ его Муслядинъ.

— Дыры въ Деликли-кая, говоришь, не было. Не было, не было. Потомъ сдѣлалась, когда Кызь-буллаги открылся.

— Говори,—проситъ кефеджи, наклоняясь къ самому уху старика.—Люди слушать хотятъ.

Сдвигаетъ Муслядинъ на затылокъ тяжелую барашковую шапку, чтобы облегчить шишку, которая выросла надъ ухомъ, какъ арбузъ на баштанѣ.

Сверху, по шоссе надъ деревней, у Деликли-кая, звенить почтовый колокольчикъ. Затихъ колокольчикъ, точно, чтобы не мѣшать Муслядину вести свой рассказъ.
— Ну?

Слушали его не разъ деревенскіе и все же хотять послушать. Хочется слушать о чудесномъ въ этотъ тихій, лѣтній вечеръ, когда сошла на землю прохлада, а загорѣвшіяся на глубокомъ небѣ безъ числа звѣзды отвлекаютъ мысль отъ заботъ трудового дня.

Не торопясь, съ остановками, покуривая изъ длинной черешневой трубки, говоритъ Муслядинъ о томъ, что слышалъ отъ отца и дѣда.

Задумываются слушатели; увель ихъ Муслядинъ въ какой-то другой міръ, и въ воображеніи ихъ незамѣтно оживаютъ три сѣрыя скалы Эльтигена. Чудится, что въ средней изъ нихъ, Деликли-кая, нѣтъ больше сквозной щели, и живутъ въ ней попрежнему три сказочныхъ духа. И каждый поетъ свою пѣсню, а людямъ кажется, что шумитъ гора. Если гулко—ждутъ дождя, если стонетъ—бури. Предупреждаютъ духи людей, потому что, какъ въ давнія времена, любятъ свою деревню.

Тогда прислушивались люди къ голосу ихъ и чтили своихъ покровителей.

Тогда духи приходили къ людямъ и любили ихъ. Отъ любви росло блаженство духа, передавалось сердцу человѣка. Добрѣе дѣлались люди.

Звенить снова почтовый колокольчикъ у Деликли-кая и, оторвавъ на минуту слушателей отъ міра грезъ, замираетъ гдѣ-то въ лѣсной чащѣ.

Когда самому хорошо, хочешь, чтобы было и всѣмъ хорошо. Такъ устроена душа. И въ бывшее время козскіе люди не пропускали нищаго и странника, чтобы не приютить и не накормить его. А когда уходили внизъ, въ сады, на работу, оставляли кого-нибудь, чтобы было кому принять прохожаго.

И вотъ разъ ушли всѣ на работу; остались старухи и мальчуганы, да три дѣвушки, которыя спѣшили шить приданое, чтобы было готово къ мѣсяцу свадьбы.

Было жарко и дѣвушки, захвативъ работу, ушли въ лѣсъ искать прохлады. Притихъ Эльтигенъ. Покинули духи свои скалы, и, обратившись въ нищихъ, подошли къ дѣвушкамъ.

Увидѣли дѣвушки слѣпого, хромого и горбатаго, поклонились имъ.

— Если голодны,—накормимъ васъ.

Подъ широкимъ дубомъ, который стоитъ и теперь, развязали узелки съ таранью, чеснокомъ и лепешками и стали угощать бѣдняковъ.

— Кушайте.

Бли нищіе, благодарили, а когда кончили,—въ узелкахъ не стало меньше.

— Кушайте хорошенько,—говорили дѣвушки,—и отдали нищимъ желтые сари-армуты, которые оставили было для себя.

Улыбнулись странники.

— Великъ Аллахъ въ своихъ твореніяхъ. Да исполнить сердце ваше радостью.

И спросили дѣвушекъ,—нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо тайныхъ желаній. Задуманное въ хорошую минуту можетъ исполниться.

— Подумайте.

Посмѣялись между собою дѣвушки, и одна сказала:

— Хотѣлось бы скорѣе дошить свое приданое.

— Вернешься домой и увидишь, что сбылось твое желаніе,—улыбнулся горбатый.

— А я бы,—захохотала другая,—хотѣла, чтобы бабушка на меня не ворчала.

— И это устроится,—кивнулъ головой хромой.

— Ну, а ты?—спросилъ слѣпой третью.

— Ты что бы хотѣла?

Задумалась третья.

— Все равно не сдѣлаешь.

— Скажи все-таки.

И сказала дѣвушка:

— Хотѣла бы, чтобы въ горѣ открылся источникъ, чтобы бѣжала въ деревню холодная ключевая вода; чтобы путникъ, испивъ воды, забывалъ усталость, а наши деревенскіе, когда настанутъ жары, освѣжаясь въ источникѣ, славилъ милость Аллаха.

— Ну, а для себя чего хотѣла бы?—спросилъ слѣпой.

— А мнѣ, мнѣ ничего не надо. Все есть.

Открылъ отъ удивленія глаза слѣпой и отразились въ нихъ глаза голубого неба.

— Скажи имя твое.

— Феррахъ-ханымъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Случится такъ, какъ пожелала, и имя твое долго будетъ помнить народъ.

Повернулся слѣпой къ Деликли-кая, высоко поднялъ свой посохъ и ударилъ имъ по утесу.

Съ громомъ треснула Деликли-кая, дождемъ посыпались каменные глыбы, темнымъ облакомъ окуталась гора. А когда разошлось облако, увидѣли въ ней сквозную щель и услышали, какъ вблизи зашумѣлъ падающій со скалы горный потокъ.

Добѣжали первыя капли ручья до ногъ Феррахъ-ханымъ и омыли ихъ.

А нищіе исчезли, и поняли дѣвушки, кто были они.

Сбылось слово нищаго. Народъ долго помнилъ Феррахъ-ханымъ, и когда она умерла, могилу ея огородили каменной стѣной.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ Муслидинъ еще видѣлъ развалины этой стѣны и читалъ арабскую надпись на камнѣ.

— Не прилѣпляйся къ міру, онъ не вѣченъ, одинъ Аллахъ всегда живъ и вѣченъ.

Уже давно замолчалъ старый Муслидинъ, а никому изъ слушателей не хотѣлось уходить изъ міра сказки жизни.

Поднялся, кряхтя, Муслядинъ, чтобы итти домой.

— Пора.

Поднялся и имамъ.

— Шумить Деликли-кая. Можетъ быть, дождь будетъ.

— Нужень дождь, воды нѣтъ,—замѣтилъ кефеджи.

— Нужень, нужень,—поддержали его, поднимаясь татары.

— Опять Феррахъ-ханымъ нужна,—улыбнулся молодой учитель.

Но на него строго посмотрѣли старики.

— Когда Феррахъ-ханымъ была—было много воды; теперь мало стало, хуже люди стали, хуже дѣвушки стали. Когда дурными стануть—совсѣмъ высохнутъ Кызларъ-хамамы.

